

традиция. Наступившие вскоре бедствия тридцатилетней войны вызвали разные «плянкты и жалобы», в которых оплакивалось тяжелое положение страны. От позднейших и современных им польских элегий этого типа данные, возникшие на германской почве, произведения отличаются тем, что их пишут не только «безыменные» авторы, но и некоторые очень крупные писатели. Юлий В. Цинкгреф написал такое «увещание», в котором довольно безыскусственными стихами описывает бедствия тридцатилетней войны и в то же время, на манер позднейших конфедератов, пытается возбудить своих соотечественников «к новым подвигам и самопожертвованию».¹ В противоположность ему, один из крупнейших немецких писателей своего времени, Мартин Опиц, пытался в своем «Панегирике богу войны» (1628 г.) блеснуть перед читателями ученостью и в духе барокко переобременил свое стихотворение целым рядом мифологических уподоблений. Не меньшее значение имели написанные Опицом «Утешительные стихотворения в превратностях войны» (1633 г.).² Придерживаясь того же напыщенного стиля, он пытался возбудить в своих евангелических единоверцах бодрость и надежду на лучшее будущее. Этот слабо обоснованный оптимизм, странно звучащий среди общего развала и разорения, весьма свойствен и целому ряду польских стихотворений того же типа. Здесь можно было бы говорить о некотором непосредственном воздействии, коль скоро известно, что Опиц имел одно время довольно тесные связи с поляками: после Пражского мира он переехал из Силезии в Торн, где ему удалось получить расположение короля Владислава IV. Он написал не дошедший до нас панегирик в его честь и получил от него звание придворного историографа. Правда, эти милости не помешали ему сделаться тайным агентом Швеции на польской территории, но во всяком случае культурные связи его с Польшей были достаточно тесные, и влияние некоторых его вещей на польскую политическую лирику XVII и начала XVIII в. — вещь вполне возможная.

И в более позднюю эпоху такие крупные политические события, как осада Вены турками в 1683 г. или семилетняя война, находили свой отклик в литературном творчестве сходного типа. Однако, произведения эти, в виду богатого развития уже в то время собственно художественной литературы, перестали удовлетворять вкус более взыскательных читателей.

¹ Ibid., стр. 342.

² Ibid., стр. 345. См. о нем также Fr. Streheke. *Martin Opitz. Eine Monographie.* Leipzig, 1856; K. Goedeke, op. cit., В. III, стр. 37—51.